

0 7 1 8 2 2 0 - 1

КАЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

МАЛЫШЕВА СВЕТЛАНА ЮРЬЕВНА

**РОССИЙСКОЕ ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО 1917 ГОДА.
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ**

Специальность 07.00.09 -
историография, источниковедение
и методы исторического исследования

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Казань 2000

Работа выполнена на кафедре историографии, источниковедения и методов исторического исследования Казанского государственного университета.

Научный консультант: доктор исторических наук, профессор
А.Л.Литвин

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
А.П.Ненароков

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ



0000505222

доктор исторических наук, профессор
Г.Л.Соболев

доктор исторических наук, профессор
Р.К.Валеев

Ведущая организация: Самарский государственный университет

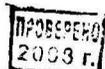
Защита состоится “30” ноября 2000 г. в 14 ч. на заседании диссертационного совета Д.053.29.06. по присуждению ученой степени доктора исторических наук при Казанском государственном университете по адресу: 420008, г.Казань, ул. Кремлевская, 18, корп. 2., ауд. 1112.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И.Лобачевского Казанского государственного университета.

Автореферат разослан “25” октября 2000 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук,
доцент

Р.Г.Кашафутдинов



Общая характеристика работы

Актуальность темы. В бурной истории России уходящего века при всем многообразии событий есть явление, которое предопределило ее судьбу на целое столетие вперед и повлияло на ход мировой истории. Имя этому феномену - российская революция 1917 года.

С февраля по октябрь 1917 г. революция продемонстрировала ряд альтернативных путей дальнейшего развития страны. Ведь революция, по определению П.Н.Миллюкова, не есть нечто осязаемое, она являет собой “бесконечное количество процессов, объединяемых в одно целое исключительно в нашем сознании”. Временное правительство и система его властных учреждений стали институциональным выражением либерально-демократического пути переустройства России: формирования на базе либерально-демократических ценностей модели российской государственности, создания демократических институтов власти и механизмов ее функционирования.

Этот вариант общественно-политического развития далеко не исчерпал себя ни к моменту насильственного свержения Временного правительства, ни в результате неудач пытавшихся реализовать его многочисленных либеральных и социалистических правительств эпохи гражданской войны (так называемая “третья сила”).

Крах на исходе века победившей в октябре 1917 г. альтернативы реанимировал искусственно прерванное развертывание “бесконечного количества процессов” и вновь поставил страну перед необходимостью выбора. Это понимание заставляет вновь и вновь возвращаться к истории российской революции и, взглядывая в прошлое, пытаться представить будущее.

Распад большевистской политической системы и ее идеологии означал и глубокий кризис тесно связанной с ними советской исторической науки. Самоанализ, саморефлексия отечественной историографии, являющиеся ее важнейшей функцией, стали непременным условием переосмысления исторического пути России в XX в. Без этого самоосознания невозможно ни обеспечение преемственности исторических исследований, ни создание современного и полноценного инструментария научного познания, ни прогресс в разработке конкретно-исторических исследований. Именно поэтому в 90-е гг. множатся попытки изучения формирования и функционирования феномена советской историографии и шире - отечественной историографии XX в.¹, - а также прогнозирования путей дальнейшего развития оте-

¹ Например: Ярошевский М.Г. Сталинизм и судьбы советской науки // Репрессированная наука. М., 1991; Искендеров А.А. Новый взгляд на историю // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия. истор., философ. 1993. № 1; Советская историография / Под общ. ред. Ю.Н.Афанасьева. М., 1996; и др.

чественной исторической науки. Однако вряд ли сегодня можно говорить о наличии исчерпывающей объективной картины ее развития.

История революции 1917 г. является одной из глобальных тем, изучение которых служит своеобразным показателем состояния исторической науки. Если в последние годы в некоторых работах историки и философы порой протестуют против тезиса о тяготении “рока” революции 1917 г. над всей послереволюционной историей и судьбой России¹, то в отношении судьбы исторической науки трудно переоценить значение как самой революции, так и созданной позже ее творцами мифа о ней. Проблемы истории революции и власти 1917 г. были - и в значительной степени остаются, - не только объектом скрупулезного научного анализа, но и привычным и излюбленным полем идеологических, политических битв. Изучение истории революции и власти 1917 г. отразило все изгибы и превратности судьбы отечественной исторической науки XX в.

Важнейшей составной частью истории революции является комплекс проблем истории демократической власти и государственности 1917 г. - первого в России либерально-демократического центрального правительства, конструкции системы власти в центре и на местах, взаимоотношений разных уровней власти, институциональных и внеинституциональных элементов государственности, “власти” и “общественности”. Именно эти проблемы и их освещение представляются наиболее показательными для рассмотрения судьбы концепции революции 1917 г. в отечественной исторической науке.

Объектом настоящего исследования стали концепции, концептуальные установки и положения, системы представлений, содержащиеся в отечественных научных трудах по истории российской власти 1917 г., историко-ведческое обоснование и проблематика этих трудов.

Термин “историография” многозначен. В данном диссертационном исследовании это понятие обозначает совокупность трудов по проблеме, а также процесс изучения проблемы, смены концепций и представлений.

В работе рассматривается преимущественно феномен советской (а также - постсоветской) историографии. Существование ее связано с исторической формой государственности - Советская Россия/СССР, с соответствующей политической системой и официальной идеологией. Историография отражала процесс видоизменения и распада последних. “Советская историография” представляет собой исторически преходящую форму (направление) отечественной историографии 1917-1991 гг. Однако, являясь основной, она

¹ См.: Шаповалов В. “Восстание масс” по-русски: этот миф все еще неприкосновенен и искусственно поддерживается // Свободная мысль. 1993. № 12. С. 41; Дезер М. (Франция) Крайности истории и крайности историков // Крайности истории и крайности историков. К 60-летию проф. А. П. Ненарокова. М., 1997. С. 130 и др.

не исчерпывала всего многообразия отечественной историографии этого времени. Существовали и другие, маргинальные (по отношению к советской политической системе и идеологии) формы (направления): эмигрантская историография 20-х-30-х гг. (сама являвшаяся многообразной и пестрой конгломерат направлений), так называемые “тамиздат” и “самиздат” - диссидентская историография, часто локализованная в СССР, но в корне расходящаяся с советской по основным принципиальным и концептуальным установкам.

Эти направления отечественной историографии периодически оказывали значительное непосредственное или опосредованное влияние на развитие советской историографии. Так, эмигрантская историография 20-х о событиях революции и гражданской войны инспирировала поток контрлитературы (контрмемуаров) с советской стороны, советская критика эмигрантской литературы заложила основы так называемого “критического направления” (о нем - ниже), оценки эмигрантской историографии оказали сильное влияние на работы историков в 90-е гг. Труды диссидентов 60-80-х послужили тем каналом, через который происходила подготовка проникновения в отечественную историческую литературу конца 80-х-90-х гг. целого ряда оценок и положений из зарубежной либеральной и консервативной историографии. Роль “маргинальных” направлений отечественной исторической науки сложна и неоднозначна. Историография российской эмиграции заложила основы зарубежного россиеведения и советологии, оказала весьма многообразное и сложное влияние на формирование исторической памяти о российской революции 1917 г. в различных национальных историографиях. Эта проблема заслуживает специального рассмотрения и не является предметом данного исследования. Хотя история формирования указанных “маргинальных” направлений отечественной историографии здесь специально не рассматривается, им посвящается ряд сюжетов в работе, к наиболее значимым историографическим фактам автор апеллирует при показе того влияния, которое указанные направления оказали на развитие советской историографии.

Понятие “отечественная историография”, разумеется, более универсально, чем “российская историография”, так как содержание последнего термина в XX веке несколько раз меняло свое значение в связи с изменением географических границ и политико-административного устройства страны. Если сегодня понятие “российская историография” практически совпадает с термином “отечественная историография”, то для периода существования СССР его следует интерпретировать как историографию одной из союзных республик - РСФСР, как лишь одну составную часть (хотя и наиболее, пожалуй, значимую) отечественной историографии того времени.

Термин “постсоветская историография” вводится по аналогии с существующим и общепринятым термином “постсоветское пространство”

(применительно к России и странам, обретшим независимость после распада СССР) и “постсоветская история”. Это понятие шире, чем понятие “современная отечественная историография”, подразумевающее только российскую историографию. Но несмотря на целесообразность учитывать при анализе последней и труды коллег из указанных стран, речь в основном будет вестись о российской постсоветской историографии.

Под “критическим направлением” советской исторической науки в данном исследовании подразумевается не только получившее распространение в исторической литературе обозначение направления 60-80-х гг. - критики зарубежных “буржуазных фальсификаций” советского периода российской истории, в том числе истории революции. Термином “критическое направление” мы условно обозначаем также получившее весьма широкое распространение в 20-е гг. направление в советской историографии - критику выходявших за рубежом воспоминаний и трудов эмигрантов, а затем также и изданных в Советской России/СССР воспоминаний и отдельных научных трудов по истории революции, написанных социалистами-небольшевиками. Это направление развивалось в основном в жанре рецензий, либо публицистических эссе. К концу 20-х гг. подобная критика фактически сошла на нет, выродившись в огульные обвинительные акты большевикам - авторам трудов по истории революции и истории партии, ставшим очередной жертвой внутрипартийных битв.

Целью диссертации стал анализ трансформации концепции российской революции и власти 1917 г. в отечественной историографии - посредством комплексного изучения отечественной литературы по истории Временного правительства.

Реализация поставленной цели в работе предполагает решение целого ряда взаимосвязанных задач: выявление и характеристика

- 1 - этапов и тенденций в изучении истории Временного правительства;
- 2 - состояния и изменений источниковой базы исследований;
- 3 - изменений границ исследовательского поля;
- 4 - факторов, обуславливавших развитие историографии;
- 5 - степени взаимодействия и взаимовлияния отечественной историографии и зарубежных исследований;
- 6 - итогов, современного состояния исследований, а также тенденций и перспектив их развития.

Научная новизна исследования определяется тем обстоятельством, что история изучения Временного правительства выступает здесь своеобразным индикатором состояния и трансформации отечественной историографии. Ее развитие рассматривается в работе через призму видоизменений научных представлений о власти и революции 1917 года.

В отличие от ряда современных исследователей историографии революции 1917 г.¹, практически отказавшихся от хронологического принципа в освещении темы - в стремлении порвать со схемой "поступательного" развития советской исторической науки, предложенной в итоге дискуссии о ее периодизации М.В.Нечкиной², - автор данной работы считает, что полный отказ от какой-либо схемы при рассмотрении такого динамичного явления, как историография, нецелесообразен. Другое дело, что любая периодизация весьма условна и служит лишь инструментом для упорядочивания современных представлений историка о ходе событий. Кроме того, несмотря на определенную преемственность этапов историографии, периодизация не предполагает абсолютно линейного, поступательного, эволюционного движения исторической науки. Безусловно, следует учитывать дискретный, прерывный характер многих тенденций, определявших развитие исторической науки. В данном исследовании впервые была сделана попытка сочетать в изложении авторского взгляда на проблему оба эти момента - преемственности и прерывности историографического процесса. Используется условная схема периодизации историографии (основными критериями которой выступают переломные события в истории общества, государства), но одновременно учитывается дихотомия "государственнических" и "революционаристских" тенденций в официальной идеологии (а также в общественном сознании), во многом определявших видоизменения концепции революции и власти 1917 г.

Термины "государственнические тенденции" (или "государственничество") и "революционаристские тенденции" (или "революционаризм") используются для обозначения характеристик официальной идеологии и историографии. "Государственнические" тенденции обуславливают подчеркнутое внимание к стабилизирующим моментам развития, к комплексу вопросов, связанных с историей и функционированием государства, его отдельных структур и учреждений, приоритетность указанных аспектов в создании концепции национальной истории, этатизм. "Революционаристские" тенденции, характерные чаще для переходных периодов и состояний официальной идеологии и историографии (и общества вообще), обуславливают преимущественное внимание к истории массовых народных движений, к переломным моментам национальной истории, часто - к ее деструктивным элементам. "Исторический спор" двух этих тен-

¹ Кудинова Н.Т. Отечественная историография революции 1917 г. в России (1917-1995 гг.). Дис. ...доктора истор. наук. М., 1998; отчасти - Происхождение революционных мифов и их сегодняшняя судьба // Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 293-333.

² Нечкина М.В. О периодизации советской исторической науки // История СССР. 1960. № 1. С. 77-105; Она же. К итогам дискуссии о периодизации советской исторической науки // История СССР. 1962. № 2. С. 57-78.

денций в отечественной историографии с первой четверти XX в., обусловленный потребностями официальной идеологии и логикой развития общества и государства, как показано в работе, во многом определял ход изучения истории революции и власти 1917 г.

Таким образом, реализация данного исследования способствует разработке проблем функционирования исторической науки в условиях трансформации политической и идеологической системы российского общества и государства в XX веке, изучению механизмов воздействия политических и идеологических факторов на развитие исторической науки.

В методологическом плане автор руководствовался принципами материалистической диалектики и историзма, предполагающими всестороннее рассмотрение предмета исследования в контексте конкретно-исторической обстановки, в его развитии, во временной последовательности и преемственности смены этапов формирования явлений. Именно исходя из этого нами рассматривались и анализировались специфика, основные черты и тенденции изучения истории Временного правительства на каждом этапе в контексте общего развития отечественной историографии и на фоне основных событий отечественной истории XX в.

Важнейшим методом исследования явился метод сравнительно-исторического анализа, многообразно применяемый при рассмотрении как самого явления отечественной историографии революции и Временного правительства - в том числе отчасти в сравнении с зарубежной, так и при характеристике и сравнении развития отечественной историографии проблемы, их источниковой базы на отдельных этапах, при характеристике точек зрения отдельных историков на определенном этапе.

Само явление отечественной историографии рассматривалось также с точки зрения структурно-системного подхода, то есть в единстве и сложной взаимосвязи его составляющих: имеющейся потенциальной источниковой базы и реальной источниковой базы исследований, уровня научной публикации документов, круга изучаемых и дебатированных аспектов проблемы и востребованности ее историческими исследованиями, основных положений и концептуальных установок, наконец, взаимодействия внешних и внутренних факторов, влиявших на изучение темы.

В работе использовался, как уже указывалось выше, метод периодизации (диахронный метод). Хронологические периоды в изучении проблемы выделялись с учетом как внутренних факторов развития исторических исследований по теме, так и внешних, связанных с политико-идеологическими условиями функционирования исторической науки.

В последние годы в отечественной историографии существует тенденция при характеристике развития отечественной исторической науки рассматривать исследования с начала 30-х до конца 80-х гг. обобщенно, как единый период, когда история изучалась в свете концепции

“государственного социализма”¹. Этот подход несколько нивелирует те процессы, которые шли в историографии. Вплоть до конца 80-х гг. речь, действительно, шла об изучении темы в рамках одной и той же сформированной большевистской методологией концепции революции - но в различных стадиях видоизменения этой концепции: зарождения, формирования, утверждения и абсолютизации, стадии сомнения (попытки выйти за ее пределы, поколебать ее), стадии распада. Кроме того сама эта концепция существовала и менялась под мощным воздействием дихотомии “революционаризм-государственность” в политической практике и идеологии Советского государства².

В исследовании нашли применение и междисциплинарные методы ряда гуманитарных дисциплин (“постмодернистские”): так, при рассмотрении влияний так называемых “революционных празднеств” на формирование исторической памяти о революции 1917 г. и Временном правительстве и на положения историографии, а также при характеристике визуального ряда первого тома “Истории гражданской войны в СССР” - использовались приемы так называемой “культурной истории”³.

Историография проблемы. Становление современной историографической традиции отечественной исторической науки следует отнести к 60-м гг., когда после долгого перерыва (первые попытки написания советских историографических - скорее библиографических, - работ восходят к 20-м гг.) появляются работы, посвященные истории исторической науки. Тогда же выходят первые историографические исследования по истории революции 1917 г.

Использовавшаяся в работе литература может быть условно разделена на несколько групп.

К первой из них относятся обобщающие историографические труды, рассматривающие феномен советской и постсоветской историографии⁴,

¹ См. например: Васильковский О.А., Тертыйшный А.Т. 1917 год в России. История изучения. Екатеринбург, 1993.

² На существование двойственности в политической практике и идеологии, например, в области внешней политики 20-х гг., уже указывалось в литературе - см.: Сироткин В. От гражданской войны к гражданскому миру // Иного не дано. М., 1988. С. 371, 384-385.

³ См. о ней: Stadelmann M. Das revolutionäre Rußland in der Neuen Kulturgeschichte. Diskursive Formationen und soziale Identitäten. Jena, 1997; Plaggenborg S. Revolutionskultur: Menschenbilder und kulturelle Praxis in Sowjetrußland zwischen Oktoberrevolution und Stalinismus. Köln, 1996; а также - Плаггенборг Ш. Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб., 2000.

⁴ Афанасьев Ю.Н. Феномен советской историографии // Советская историография. М., 1991. С. 7-41; Медушевская О.М. Источниковедение в России XX в.: научная мысль и социальная реальность // Там же. С. 42-77; Сахаров А.Н. Дискуссион в советской историографии: убитая душа науки // Там же. С. 124-161; Иллерицкая Н.В. Становление советской историографической традиции: наука, не обретшая лица // Там же. С. 162-190; Поляков Ю.А. Наше непредска-

отдельные ее периоды¹ и направления². Эти работы, авторы которых высказывают подчас различные точки зрения в оценках как самого феномена советской историографии, так и отдельных периодов ее развития, позволяют достаточно полно охарактеризовать общий историографический контекст, в котором происходило видоизменение концепции революции.

Абсолютное большинство современных авторов - как отечественных, так и зарубежных, - при характеристике феномена советской историографии обращали внимание прежде всего на внешние факторы, определявшие ее развитие, на политическую ангажированность, как характернейшую черту советской историографии, на включенность и встроенность ее в тоталитарную систему. Встречаются точки зрения, что советская историческая наука настолько органично была связана с политической системой, что ее изменения сводимы к упрощенной донельзя формуле - "менялся политический режим, менялись и исторические концепции", и именно этот фактор следует класть в основу периодизации³. Акцентирование этих черт отечественной историографии XX века порой доходит до отрицания какого-либо вклада советских историков в изучение многих проблем отечественной ис-

зуемое прошлое. Poleмические заметки. М., 1995; Козлов В. Российская история: Обзор идей и концепций 1992-1995 гг. // Свободная мысль. 1995. № 3; 1996. № 4. С. 104-120; Исторические исследования в России: тенденции последних лет. М., 1996; Искендеров А.А. Историческая наука на пороге XXI в. // Вопросы истории. 1996. № 4. С. 3-31; Согрин В.В. Идеология и историография в России: нерасторжимый брак? // Вопросы философии. 1996. № 8. С. 3-18; Историческая наука в России в XX в. М., 1997; Национальные истории в советском и постсоветских государствах. М., 1999; Raeff M. Toward a New Paradigm? // *Historiography of Imperial Russia: the Profession and Writing of History in a Multinational State* /Ed. by T. Sanders. Armonk, N.Y., L., 1999. P. 481-486; Hildermeier M. *Russian History at a Turning Point: Notes from a Benevolent Distance* // *Ibidem*. P. 487-501; и др.

¹ Барсенков А.С. Советская историческая наука в послевоенные годы (1945-1955 гг.). М., 1988; Стариков Н.В. Эпоха "оттепели" и этапы эволюции сталинизма: вопросы историографии // Советская историография. С. 316-348; Маслов Н.Н. "Краткий курс истории ВКП(б)" - энциклопедия и идеология сталинизма и постсталинизма: 1938-1988 гг. // Там же. С. 240-273; Сидорова Л.А. Оттепель в исторической науке. Советская историография первого послесталинского десятилетия. М., 1997; Балакин В.С. Отечественная наука в 1959-сердине 1970-х гг. Екатеринбург, 1998; Сидоров А.В. Теоретико-концептуальные основы отечественной историографии в 1920-е гг.: Дис. ... доктора истор. наук. М., 1998; и др.

² Бовыкин В.И. Проблемы перестройки исторической науки и вопрос о "новом направлении" в изучении социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции // История СССР. 1988. № 5. С. 67-100; Поликарпов В.В. "Новое направление" - в старом прочтении // Вопросы истории. 1988. № 3. С. 44-61; Он же. "Новое направление" 50-70-х гг.: последняя дискуссия советских историков // Советская историография. С. 349-400; Еще раз к вопросу о "новом направлении" // Вопросы истории. 1990. № 6. С. 164-184; и др.

³ Васковский О.А., Тертышный А.Т. Феномен диктатуры пролетариата (1917 год в России в оценке историков). Екатеринбург, 1995. С. 16.

тории. Этот “радикальный взгляд”¹ на советскую историографию представляется слишком упрощенным. Несмотря на действительно мощное и во многом определяющее воздействие политических и идеологических факторов, необходимо рассматривать и внутренние факторы развития отечественной исторической науки. Автор солидаризуется с мнением С.О.Шмидта, указавшего на важность учета при анализе историографии таких факторов, как источниковая база и уровень исследовательской техники, а не только развития главных ее концепций² (а в основном именно с этой точки зрения подходят к ней авторы современных работ по историографии революции, в частности, Н.Т.Кудинова. - С.М.). Работ, в которых основное внимание уделялось бы внутренней логике развития исторических исследований, не так много³.

Мало разработаны и теоретико-методологические вопросы в изучении советской историографии как феномена - например, проблемы временной дистанции между возникновением концепции, системы взглядов и методов, и принятием их на вооружение наукой и обществом, объективных и субъективных причин существования этой дистанции⁴.

Вторую группу историографической литературы составляют исследования по отечественной историографии Февральской и Октябрьской революций⁵. В большинстве этих работ выделялись этапы в изучении истории

¹ Термин В.П.Булдакова. См.: Происхождение революционных мифов и их сегодняшняя судьба // Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 294.

² Архивный документ как историографический источник // Шмидт С.О. Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 179.

³ Например: Тарновский К.Н. Социально-экономическая история России. Начало XX века. Советская историография середины 50-х-начала 60-х гг. М., 1990 (написана в 70-е гг.).

⁴ См.: Городецкий Е.Н. Советская историография Великого Октября: 1917-середины 30-х гг.: Очерки. М., 1981. С. 11, 32, 33, 26; Он же. Историографические и источниковедческие проблемы Великого Октября. 1930-1960 гг.: Очерки. М., 1982; Ненароков А.П. К единству равных: Культурные факторы объединительного движения советских народов. 1917-1924. М., 1991. С. 16-17 (историографическая глава).

⁵ Городецкий Е.Н. Новое в изучении истории Великого Октября. М., 1968; Он же. Историографические и источниковедческие проблемы...; Шестаков С.В. Историография деятельности большевистской партии в период первой мировой войны и Февральской революции. М., 1977; Советская историография Февральской буржуазно-демократической революции. Ленинская концепция истории Февраля и критика ее фальсификаторов. М., 1979; Советская историография Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1981; Историографическое изучение истории буржуазных и мелкобуржуазных партий России. М., 1984; Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России: (Советская историография 70-х-80-х гг.): Научно-аналитический обзор. М., 1987; Malia M. Experiment ohne Zukunft?: Voraussetzungen und Folgen der Russischen Revolution. Hamburg, 1989. Einleitung; Кувшинов В.А., Козаченко Е.В. Борьба большевиков против буржуазных партий в период от Февраля к Октябрю: Историография. М., 1990; Заболотный Е.Б. Российская историография революции 1917 г. на Урале. Екатеринбург, 1995; Булдаков В.П. Происхождение революционных ми-

революции 1917 г., определялся круг аспектов, интересовавших историографию на различных этапах изучения, обозначались спорные и малоисследованные проблемы истории революции. Специфика изучения истории революции в СССР сказывалась и на ее историографическом анализе: порой искусственно разводились историография истории Февральской революции и Октябрьской революции, преимущественное внимание уделялось вопросам изучения роли большевистской партии и ее влияния на трудящихся. Лишь в историографических работах последнего десятилетия история революции 1917 г. рассматривается как единое целое. Но в то же время ряд моментов в современных работах по отечественной историографии революции представляются спорными. В интересном и значимом исследовании заслуживают Н.Т.Кудиновой¹ к таковым относятся не только отказ от хронологического принципа рассмотрения историографии революции (о чем уже говорилось выше), но и трактовка направлений зарубежной историографии революции 1917 г. Ею выделяются только два направления - либеральное и ревизионистское, причем, "либеральное" направление толкуется весьма расширительно (в него включено и "консервативное" направление); несмотря на это, в тексте работы одни и те же историки именуются то представителями "крайне консервативного", то "либерального" направления, а, например, американского исследователя У.Розенберга относят то к "либеральному", то к "ревизионистскому" направлениям.

В этой группе работ следует особо выделить специфическую подгруппу историографической литературы, даже специфический жанр советской историографии, получивший наименование "критика буржуазных фальсификаторов" или "критическое направление". Это направление возникло одновременно с возрождением советской историографической традиции в конце 50-х-начале 60-х гг. и просуществовало до конца 80-х-начала 90-х гг.² Несмотря на то, что "критики зарубежных фальсификаторов исто-

фов...; Sch[iltzler H. Die Revolution von 1917 im Paradigmawechsel der Historiographie Ru[sslands // Die Russische Revolution. Wegweiser oder Sackgasse? / Hrsg. W.Hedeler, H.Sch[iltzler, S.Striegnitz. Berlin, 1997. S. 155-173; Кудинова Н.Т. Отечественная историография революции 1917 г. в России (1917-1995 гг.). Дис. ... доктора истор. наук. М., 1998; и др.

¹ Кудинова Н.Т. Указ. соч.

² Штейн Б.Е. Некоторые вопросы Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в освещении зарубежной историографии периода 1917-1924 гг. // Из истории Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1957. С. 315-364; Салов В.И. Германская историография Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1960; Зарубежная литература об Октябрьской революции. М., 1961; Иоффе Г.З. Февральская революция 1917 г. в англо-американской буржуазной историографии. М., 1970; Игрицкий Ю.И. Мифы буржуазной историографии и реальность истории. Современная американская и английская историография Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1974; Наумов Н.В. Великая Октябрьская социалистическая революция во французской буржуазной историографии. М., 1975; Соболев Г.Л. Октябрьская революция в американской историографии 1917-

рии” были призваны обслуживать интересы пропаганды, надо отметить то существенное значение, которое имела эта литература (часто создававшаяся ведущими специалистами по истории революции) для ознакомления историков с развитием зарубежной историографии истории России и суммой воззрений, точек зрения, концепций истории российской революции. “Критическое направление” стало важным каналом связи советской исторической науки с мировой, безусловно, сыграло положительную роль в расширении оценочного арсенала советской историографии, подготовило отечественных историков к плодотворному диалогу с представителями зарубежной историографии.

Третья группа используемой литературы - литература, непосредственно освещающая историю изучения Временного правительства. Здесь следует отметить, что в историографии отсутствуют специальные монографические исследования по этой теме. Немногочисленные историографические работы (как правило, небольшие статьи) посвящены лишь отдельным ее аспектам¹. Авторы специальных монографий по истории Временного правительства, как правило, также не уделяли большого внимания историографии вопроса, в лучшем случае ограничиваясь упоминанием о предшественниках и краткой - в несколько абзацев, - характеристикой их работ².

1970-х гг. Л., 1979; Марушкин Б.И., Иоффе Г.З., Романовский Н.В. Три революции в России и буржуазная историография. М., 1977; Критика основных концепций современной буржуазной историографии трех российских революций. М., 1983; Карпачев М.Д. История российской революции: Легенды и реальность. М., 1991; и др.

¹ Ливчак Б.Ф. Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства глазами А.Блока // Вопросы истории. 1977. № 2. С. 111-123; Канев С.Н., Смирнов В.Г. Критика В.И. Лениным министерской деятельности народных социалистов во Временном правительстве // Ученые записки кафедр общ. наук вузов Ленинграда. История КПСС. 1980. Вып. 19. С. 36-47; Баженова Т.М. Советская историография местных органов власти буржуазии в период февраля-октября 1917 г. // Правовые идеи и государственные учреждения (Историко-юридические исследования). Свердловск, 1980. С. 122-134; Сенин А.С. Военное министерство Временного правительства: К вопросу об историографии темы // Историография и источники истории государственных учреждений и общественных организаций СССР. М., 1983. С. 55-63; Тагиров И.И. Некоторые проблемы современной советской историографии местных органов Временного правительства : (На материалах Среднего Поволжья) // Историография Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в Поволжье. Куйбышев, 1984. С. 80-88; и др.

² Волобуев П.В. Экономическая политика Временного правительства. М., 1962; Васюков В.С. Внешняя политика Временного правительства. М., 1966; Скрипилев Е.А. Тюремная политика и тюремное законодательство Временного правительства. М., 1968; Игнатьев А.В. Внешняя политика Временного правительства. М., 1974; Старцев В.И. Революция и власть: Петроградский Совет и Временное правительство в марте-апреле 1917 г. М., 1978; Он же. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980; Он же. Крах керенщины. Л., 1982; Андреев А.М. Местные Советы и органы буржуазной власти (1917). М., 1983; и др.

Таким образом, состояние разработанности темы следует признать далеко не удовлетворительным, специально тема остается практически неразработанной, что делает данное исследование особенно актуальными.

Помимо этих трех основных групп литературы, можно выделить также используемые дополнительно рецензии и отзывы на работы и публикации документов по истории Временного правительства и российской революции вообще, которые дают представление о состоянии историографии на определенных этапах и условиях, в которых происходило это изучение. Причем, рассматриваются как отзывы российских историков, так и рецензии зарубежных исследователей на работы российских и западных историков, что позволяет выявить как точки соприкосновения в историографических оценках, так и спорные моменты и проблемы.

Источниковую основу диссертации составляют историографические источники (примерно 1100 наименований), условно разделяемые на несколько групп.

Прежде всего это научные труды отечественных (отчасти и зарубежных) авторов, созданные в период с 20-х (отдельные работы - с 1917) до конца 1990-х гг. и посвященные как непосредственно проблемам истории Временного правительства и истории власти 1917 г., так и истории российской революции, российского либерализма, парламентаризма, конституционализма. Именно анализ этих историографических источников определяет выводы о состоянии изучения темы на тех или иных этапах.

Научные труды группируются по ряду критериев: - по объекту исследования, по мере расширения границ объекта (Временное правительство, власть в 1917 г., российская революция, российский парламентаризм, и т.д.); - по той форме, в которой нашли воплощение основные положения, концептуальные установки, идеи, факты. Важнейшими в этом плане стали такие исследования, как монографии и диссертационные исследования, научные статьи, в которых эти положения и концептуальные установки были сформулированы наиболее четко, полно и последовательно. Материалы конференций, семинаров способствуют уяснению наиболее спорных и дебатированных вопросов, тенденций изучения проблемы, нередко именно в материалах конференций вводятся в научный оборот новые идеи и оценки. Уделяется внимание также рецензиям на научные труды и публикации документов, которые содержали оценки, характеризующие состояние изучения истории Временного правительства в соответствующие исторические периоды и обозначающие спорные или слабые моменты авторских концепций. Группировка по этим двум критериям используется в работе, однако прежде всего труды отечественных историков группируются хронологически, в соответствии с основными этапами развития историографии проблемы.

Ко второй группе источников относятся документальные и мемуарные публикации по истории Временного правительства и революции 1917 г. Анализ подбора документов, качества публикаций, а также научного комментария позволит охарактеризовать уровень научной публикации документов, источниковой базы исследований на каждом этапе изучения.

Для характеристики источниковой базы исследований по истории Временного правительства, а также для верификации ряда положений привлекаются неопубликованные документы фондов федеральных и местных архивов. Так, привлекались фонды Совета Министров/Временного правительства, Государственной Думы, Именных указов и высочайших повелений Сенату, ряда министерств и комитетов Временного правительства из Российского государственного исторического архива (РГИА); фонды Канцелярии Казанского губернского комиссара Временного правительства и Управления Военного комиссара Казанского военного округа - из Национального архива Республики Татарстан (НАРТ); и другие.

Третью группу источников составили прежде всего опубликованные документы, воспоминания, интервью историков, характеризующие развитие исторической науки в СССР/России в целом и его отдельные этапы. При характеристике историографической и идеологической ситуации были использованы также неопубликованные архивные материалы: Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) (фонд Истпарта, фонд Института Марксизма-Ленинизма - сектор издания "Истории гражданской войны в СССР", фонд редакции журнала "Пролетарская революция"), Архива РАН (фонд Коммунистической академии при ЦИК СССР, фонд Общества историков-марксистов), РГИА (личный фонд бывшего министра Временного правительства А.С.Зарудного), НАРТ (фонд Архивного отдела при Совете Министров ТАССР) и другие.

Таким образом, основные положения и выводы работы базируются на анализе достаточно обширного и разнообразного круга источников, которые позволяют реконструировать относительно объективную картину изучения истории Временного правительства.

Практическая значимость. Материал диссертации, ее положения и выводы могут быть использованы при создании обобщающих работ по отечественной историографии и источниковедению, истории России, при разработке соответствующих общих учебных курсов.

Структура диссертации была обусловлена ее содержанием и поставленными задачами, и включает в себя введение, пять глав и заключение, а также список источников и литературы.

Основное содержание и выводы исследования.

Во введении обосновывается актуальность, научная и практическая значимость исследования проблемы, определяется объект, методы, цель и

задачи исследования, дается обзор использованных в работе источников и литературы.

Глава 1 - "Складывание унифицированной концепции революции и власти 1917 г.", - состоит из четырех параграфов.

Первый параграф освещает вопросы формирования источниковой базы исследований по истории революции и власти 1917 г. В нем рассматриваются основные группы публикаций источников в 20-е-30-е гг. Опубликованные в эти годы речи, статьи, другие материалы 1917 г. руководителей партии и государства, партийных историков и публицистов должны были стать "методологической базой" будущих исследований. В них содержались и некоторые оценки Временного правительства, отразившие сильное влияние как политической борьбы с осколками социалистических партий, так и внутривнутрипартийной борьбы в большевистском руководстве 20-х гг. Несомненный лидер по количеству публикаций среди всех групп источников - мемуары, абсолютное большинство которых составляли пробольшевистские воспоминания рабочих, солдат, партийных функционеров всех уровней. Этот инспирированный Истпартом поток мемуаров искусственно создавал перекос в источниковой базе изучения истории революции: события в них изображались односторонне, лишь глазами победивших классов и слоев населения. И это формировало в общественном сознании 20-х гг. качественно новое ретроспективное видение событий 1917 года, подготавливало его к восприятию унифицированной официальной версии истории революции. Основная масса этих воспоминаний - в силу самого авторства, - вопросов истории Временного правительства не затрагивали, исключая некоторые вопросы взаимоотношения советов с правительственными учреждениями и должностными лицами, репрессивной политики правительства. В параграфе произведен анализ практики перепечатки в Советской России/СССР мемуаров эмигрантов, изданных за рубежом и содержавших фактический и оценочный материал по истории Временного правительства. К числу ее особенностей относились: перепечатка отрывков мемуаров с неизменным "научным конвоем", разъясняющим читателю классовый смысл тех или иных положений мемуаров; тщательная "работа" с текстом публикуемых отрывков - произвольная разбивка их на части, "лакуны" в тексте, объяснявшиеся "растянутостью" и "бессодержательностью" пропущенного материала. На конкретных примерах показано, что именно изымалось в советских перепечатках - оценка роли Госдумы в формировании правительства и предотвращении гражданской войны после Февраля, положения о популярности Керенского, об изначальном конфликте Думы и Совета, об ошибочности тактики уступок Совету и формирования коалиции, о постепенном создании "вакуума" вокруг Временного правительства и причинах его "аутсайдерства", характеристика работы Временного Совета Российской республики, описания Октябрьского переворота. Публиковавшиеся в эти

годы в центре и на местах хроники революции сосредотачивались в основном на описании массового народного движения и руководящей роли большевиков и также уделяли очень мало внимания процессам конструкции государственной власти и деятельности правительства. Весьма показательны в этом плане подборки документов в приложениях к хроникам: они принадлежали по происхождению в основном либо большевистским, либо советским общественным организациям. Такую же картину дает анализ многочисленных документальных публикаций о революции 1917 г.: основное внимание уделялось публикации партийно-советских (большевистских) документов, хотя в эти годы вышли и ряд значимых публикаций документов по внешней политике Временного правительства, его законодательству о крестьянских организациях, и др. Но к началу 30-х гг. они сходят на нет, а к середине 30-х публикации документов “контрреволюционных правительств” уже расцениваются как “политическая ошибка”. В параграфе дается и количественная характеристика публикаций по тем или иным аспектам и периодам истории революции и власти 1917 г. и объясняются причины преимущественного внимания к истории революционного движения в армии и ответным действиям правительства и командования, к истории Июльских дней. В параграфе обозначен также круг архивов, из которых в основном извлекались документы для публикации, и рассматривается связанная во многом с состоянием архивов практика отсылок и археографический уровень публикаций, характеризуются причины невостребованности архивных материалов в период относительной открытости архивов в 20-е гг.

Во втором параграфе рассматриваются явления в области историографии, обусловленные как желанием большевистского руководства устранить идеологических конкурентов в сфере формирования исторической памяти народа, так и внутривластной борьбой в самом большевистском руководстве. Характерной чертой этого первого этапа формирования концепции истории революции и власти 1917 г. в 20-е-30-е гг. была линия на “отрицание”, т.е. критику, а то и кампании шельмования неудобных положений и точек зрения. Приемы этого направления историографии 20-х гг., которое условно можно назвать “критическим”, были отработаны прежде всего на произведениях т.н. “буржуазных” и “мелкобуржуазных” историков, в частности, П.Н.Милукова, Н.Н.Суханова, Н.А.Рожкова. Одним из своеобразных приемов критики было создание “сравнительных работ”, в которых противопоставлялась “правильная” (ортодоксально-большевистская) и “неправильная” (всякая другая) оценки революции 1917 г. Значительно активизировали эту критику политические судебные процессы начала 20-х гг., особенно процесс над правыми эсерами 1922 г. Оценки, прозвучавшие на нем, а также в вышедшей к процессам агитационно-пропагандистской литературе, привнесли в историографию целый ряд не опиравшихся на сколько-нибудь серьезные исследования оценок и штампов в отношении истории

революции и власти 1917 г. Вся деятельность социалистов-революционеров, начиная с марта, в том числе участие в коалиционных правительствах, отныне трактовалась не как заблуждение или отступление от принципов, а как признак изначальной контрреволюционности партии, обман и предательство интересов трудящихся. Ответственность за политику “контрреволюционного” Временного правительства в большей степени возлагалась на партии эсеров и меньшевиков, как правившие партии. С середины 20-х гг. внутрипартийная борьба определяет основные линии битвы на историографическом фронте. В параграфе рассматриваются кампании шельмования положений трудов Л.Д.Троцкого, А.Г.Шляпникова, отчасти - М.Н.Покровского и других историков. Под огнем критики оказалось не в последнюю очередь описание противостояния ленинской и каменевской (поддержанной Сталиным) позиций 1917 г. по вопросу об отношении к Временному правительству. К началу 30-х гг., когда, с одной стороны, утрачивается историографическая традиция, труды “буржуазной” и “мелкобуржуазной” историографии переиздаются все реже, с другой - по мнению большевистского руководства, - влияние соответствующей идеологии не представляло большой угрозы, - “критическое” направление постепенно сходит на нет.

Третий параграф посвящен тематике исследований по истории Временного правительства. Кажущееся изобилие литературы 20-х-30-х гг. по истории революции было обманчивым: во-первых, основная масса этой литературы опиралась на весьма скудный круг источников; во-вторых, мало внимания уделялось основным событиям между Февралем и Октябрем; в-третьих, внимание авторов сосредотачивалось на деятельности большевистской партии. Несмотря на весьма эпизодическое освещение истории Временного правительства, а также неперенное изображение ее в контексте истории “двоевластия”, можно выделить ряд основных положений и черт, характерных для литературы этого периода. Прежде всего, надо отметить относительное разнообразие оценок, порой противоречивших друг другу: тезис о фактическом безвластии Временного правительства и полной анархии в стране уживался с положением о диктатуре Временного правительства. Еще одна характерная черта историографии: история самого правительства, конструкции власти ее почти не занимает, рассматриваются в основном вопросы отношения к Временному правительству социалистической демократии, ее роль, участие и политика в правительстве. Подчеркнутое внимание к “керенщине”, отождествление практически всего периода истории Временного правительства с марта по октябрь именно с этой “мелкобуржуазной формой буржуазной контрреволюции”, направленность критики на “соглашателей” в правительстве - и в 1917, и в 20-х гг. объяснялось потребностями борьбы с политическими конкурентами. С другой стороны, в отождествлении фактически всего государствообразующего процес-

са 1917 г. с политикой определенных партий проявились революционаристские тенденции историографии этих лет. В контексте шедшей в 20-е гг. дискуссии “национализаторской” и “денационализаторской” концепций развития России - фактически дискуссии о степени влияния на российский капитал иностранного и о самостоятельности политики предоктябрьской России, - внимание исследователей привлекли вопросы экономической и внешней политики Временного правительства. Авторы наиболее крупных рассматриваемых в параграфе работ придерживались денационализаторских взглядов, благодаря чему в литературе утверждался тезис о значительной зависимости Временного правительства от стран Антанты и получили развитие сюжеты о “военно-экономической эксплуатации” России союзниками. В параграфе рассматривается и освещение в литературе ряда других аспектов истории Временного правительства - его национальной политики, репрессивной политики, вопрос о причастности правительства к организации “Корниловского заговора”.

Четвертый параграф рассматривает процесс формирования унифицированной концепции истории революции и власти 1917 г., как важного элемента и результата нарастания государственных и охранительных тенденций в историографии, идеологии, политике конца 20-х-конца 30-х гг. В параграфе анализируются основные “вехи”, ступени этого процесса, воплощенные в соответствующих изданиях. Уже статьи “Очерков по истории Октябрьской революции” пытались скорректировать точки зрения 20-х гг. на историю власти 1917 г., однако ни структура этого труда, ни противоречивость оценок не соответствовали социальному заказу на унификацию истории революции. Первым большим государственным проектом, предва­рившим появление “Истории ВКП(б). Краткий курс”, стал проект “История гражданской войны в СССР” (“ИГВ”). В параграфе анализируются концептуальные положения о власти 1917 г. и Временном правительстве в документах, подготавливавших выход 1-го тома “ИГВ”, и в самом томе. Демократический период революции и деятельность Временного правительства фактически были вычеркнуты из истории: дооктябрьские события 1917 г. трактовались исключительно как начало гражданской войны, “в которой вооруженные пролетарии и солдаты-крестьяне столкнулись с белой гвардией” - к последней были причислены все либералы и социалисты. Ту же тенденцию - вымарывание из истории революции ее демократического периода и вытеснение революционной демократии в “лагерь контрреволюции” - содержали и редакционные поправки Главной редакции “ИГВ”. Тем не менее ряд вопросов истории Временного правительства все же нашел отражение в томе. Он содержал уже отлитые в штампы положения о причинах перехода власти в руки Временного правительства и сдачи власти Советом, характеристику политики правительства как борьбы за единовластие буржуазии, все его положительные мероприятия характеризовались как вынуж-

денные малые уступки массам. Июньские, июльские события и правительственные репрессии изображались по уже установившимся в литературе клише. Противоречия в оценках касались лишь позиции правительства в отношении корниловского выступления: Временное правительство фигурировало то как жертва, то как сообщник. Все последовавшие за “корниловщиной” попытки укрепления государственной власти, обновления коалиции характеризовались исключительно как постройка плотины для остановки революции. Тенденциозность демонстрирует и “видеоряд” тома: образы российских политиков 1917 г., в том числе либералов и социалистов, представляли перед глазами читателя в виде карикатур, выполненных в 30-е гг. по заказу Главной редакции издания. Таким образом, содержание и визуальный ряд книги формировали представление не столько об истории 1917 г., сколько представление о революции и власти, актуальное для середины 30-х гг. Положения “ИГВ” были отшлифованы в ряде учебников, появившихся после введения курса гражданской истории в школах и вузах. Процесс унификации взглядов на историю революции и власти 1917 г. был в целом завершен в результате создания “Краткого курса”. Либерально-демократический период революции также был вычеркнут из истории, только теперь период февраля-октября выступал не как время гражданской войны, а как период подготовки и проведения Октябрьской революции. Временному правительству в концепции “Краткого курса” отводилась роль статиста. О его образовании говорилось вскользь, в основном ритуальными были и положения о его контрреволюционности. Послеиюльская история трактовалась как период властвования буржуазии - ее Временного правительства,- готовившейся к установлению контрреволюционной диктатуры. Именно эта минимизированная схема истории Временного правительства оставалась практически неколебимой до середины 50-х гг.

Глава 2 - “Историческая наука после “Краткого курса” - состоит из трех параграфов.

Первый параграф посвящен состоянию публикаций и использованию источников в исследованиях этого периода. Анализ немногочисленных публикаций по истории революции свидетельствует о значительном снижении научного уровня и качества публикаций, а также культуры использования источников. Значительное количество этих изданий содержали исключительно публиковавшиеся ранее документы, газетный материал, работы В.И.Ленина и И.В.Сталина. Практиковалась публикация документов “в извлечениях”, без комментариев и отточий. Лишь в немногих изданиях конца 40-х-середины 50-х гг. присутствовали некоторые положительные моменты - например, публикация документов Временного правительства и его органов и учреждений, документов местных органов власти, извлеченных из местных архивов. Однако, как показано в параграфе, в 30-х гг., наряду с уменьшением количества публикаций и снижением их качества, наблюдает-

ся определенный прогресс в археографическом описании документов, начинает формироваться современная система отсылок и архивных шифров. В то же время анализ источниковой базы трудов по истории революции и Временного правительства свидетельствует о снижении востребованности историками архивных материалов: лишь в каждой пятой работе привлекались архивные документы (для сравнения - в работах по истории советов, большевистских организаций, ВРК, красной гвардии - в каждой второй), причем, 73 % их вышли в послевоенное десятилетие.

Во **втором параграфе** рассматриваются государственнические тенденции в историографии революции и власти 1917 г. Вторая половина 30-х гг. знаменовала начало в историографии длительного периода стабилизации унифицированных взглядов на историю страны, в том числе на события 1917 г. “Государственнические” тенденции усилились и возобладали как в официальной идеологии, так и в исторической науке. Это проявилось в тематике исторических исследований - в культивировавшемся “национальном” взгляде на историю, пристальном внимании к личностям государственных деятелей, монархов, полководцев. Это проявилось организационно - в слиянии “коммунистических” научных учреждений 20-х гг. с традиционными научными учреждениями, в восстановлении исторических факультетов университетов, в создании официальных книг и учебников по истории. Историки должны были лишь популяризировать и развивать положения “Краткого курса”. Скорее приметой этих “государственнических” тенденций в идеологии, чем последним раскатом внутрипартийных битв на историографическом поле брани 20-х гг., стала и посмертная кампания борьбы со “школой Покровского”. На эту мифическую школу списывались прежняя большевистская система взглядов на историю вообще и на историю России в частности, система преподавания истории по голым социологическим схемам - наследие первых послереволюционных лет. “Дело Покровского” стало удобным поводом видоизменить эту традицию, сменить акценты - с революционаристских на государственнические, потеснить в истории массы за счет личностей. В параграфе рассматривается то, каким образом, используя жупел “покровщины”, критиковалось освещение некоторых вопросов истории Временного правительства и событий 1917 г. в трудах историков.

Третий параграф посвящен проблематике работ по истории Временного правительства. Все появившиеся в эти годы работы, так или иначе освещавшие его историю, можно условно разделить на несколько групп: - общие, в основном научно-популярные очерки истории революции; - работы, излагавшие ход революции в отдельных регионах страны; - работы или главы в более общих трудах, посвященные отдельным аспектам политики Временного правительства. Работы первой и второй группы в основном популяризировали положения “Краткого курса”. Литература 40-х-50-х гг. о

событиях революции на местах экстраполировала на местные события (и на оценку деятельности органов власти на местах) легитимизированную “Кратким курсом” “петроградскую схему”. Что касается третьей группы, примечательно прежде всего обращение историков к рассмотрению правовых аспектов деятельности Временного правительства, его законодательства, в частности, уголовного, его пенитенциарной политики, конституционных проектов. Несмотря на неизменность классовых характеристик Временного правительства, обращение историков к указанным аспектам подтверждало новую, “государственническую” тенденцию в историографии с конца 30-х гг., ее разрыв с революционаристскими установками. Наблюдается проявление интереса к истории Временного правительства как к определенному опыту государственной власти со всеми ее атрибутами, описание этого опыта включалось в обобщающие труды по истории государства и права СССР (!). Другой аспект, привлечший внимание историков в связи с пробуждением интереса к истории российских монополий и их специфики и российской экономики межвоенного периода в целом - экономическая политика Временного правительства. Она в работах этого периода полностью отождествляется с политикой буржуазии. Однако в литературе этих лет, хотя и упоминается, но не комментируется тезис о влиянии на эту политику капиталов стран Антанты и США: это положение будет муссироваться с начала “холодной войны”. Зато тезис о зависимости внешней политики Временного правительства от Антанты широко раскрывается и иллюстрируется в трудах по истории внешней политики. Рассматривая историю “правой альтернативы” Временному правительству - т.н. корниловщины, историки трактовали взаимоотношения правительства и корниловцев намного более упрощенно, чем в 20-е гг. - как прямой сговор.

Таким образом, в историографии революции и власти этого периода, с одной стороны, вместо научного анализа наблюдается популяризаторство идей “Краткого курса”, которое выразилось в слабом использовании архивных документов, определенном пренебрежении к их использованию, в изобилии популярной литературы, механически повторявшей штампы “Краткого курса”. С другой стороны, в эти годы усиливаются государственнические тенденции в историографии, благодаря которым тема истории Временного правительства была в определенной степени легитимизирована как объект исследования и на волне которых в конце 40-х-начале 50-х гг. начался пересмотр некоторых тезисов 20-х гг. - о полукOLONIALном характере российского капитализма, о невозможности сращивания госаппарата с монополиями, и др., что повлияло на оживление интереса к целому ряду аспектов истории Временного правительства.

Глава 3 - “Историография периода “оттепели” состоит из двух параграфов.

Первый параграф посвящен характеристике документальных публикаций по истории революции и власти 1917 г. Для перехода от спорадических обращений к различным аспектам темы к публикации комплексов документов и подготовке специальных исследований по истории революции 1917 г., по истории Временного правительства было необходимо наличие определенных объективных и субъективных условий, при которых историки могли бы заняться архивными изысканиями, знакомиться с зарубежными исследованиями и (хотя бы) опубликованными источниками. К середине-концу 50-х гг. в результате политических изменений в стране такие условия - пусть ненадолго, - были созданы. Наиболее значимыми публикациями этих лет стали подготовленные группой историков, многие из которых принадлежали к ученикам известного историка российской экономики периода империализма А.Л.Сидорова, - трехтомный сборник документов "Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции" и семитомный сборник документов "Революционное движение в России", до сих пор не утратившие своего значения. По произведенным в параграфе подсчетам, около половины всех опубликованных в "Экономическом положении..." документов - 385 документов из 88 фондов центральных госархивов, ряда госархивов области России, - так или иначе освещали историю и политику Временного правительства в экономической сфере, в частности, аграрную политику правительства, деятельность его земельных и продовольственных органов. В параграфе рассматриваются и виды документов, представленных в сборнике. Подробно характеризуется состав документов семитомника "Революционное движение...". Всего в этой важнейшей документальной публикации по истории революции 1917 г. было помещено 4 383 документа, из них - 258 документов, характеризующих историю и деятельность Временного правительства, причем 113 документов или 43,8 % было опубликовано впервые. Составители включили в сборник документы из 134 фондов 41 архива СССР, в том числе из фондов губернских и уездных комиссаров Временного правительства, других местных органов власти, что существенно расширяло и расцветчивало картину истории власти 1917 г. Ярким дополнением этой картины стали и публикации в эти годы мемуаров о Временном правительстве, в том числе воспоминаний некоторых министров. Немаловажным фактором расширения источниковой базы и спектра оценок ряда событий 1917 г. в советской историографии стала возможность знакомства с трудами и сборниками документов зарубежных авторов и составителей, правда, чаще всего опосредованно - через работы представителей формировавшегося с середины 50-х гг. т.н. "критического направления". Публикации документов существенно усложняли существовавшую ранее в историографии картину событий 1917 г., в том числе характеристику исто-

рии и деятельности Временного правительства, и создавали условия для переосмысления целого ряда положений и оценок.

Второй параграф посвящен характеристике основной проблематики исследований по истории Временного правительства и рассматривает итоги пересмотра некоторых положений историографии предыдущего периода. В период с середины 50-х до середины 60-х гг. был создан ряд работ, посвященных финансовой и в целом экономической политике Временного правительства. Во многом усиление интереса к теме было инспирировано дискуссиями о взаимоотношениях монополий и государства, о государственно-монополистическом капитализме и предпосылках социалистической революции, в ходе которых были высказаны важные положения о сближении монополий и государства, о сложности их отношений и отсутствии одностороннего подчинения, об использовании аппарата монополий государством. Результаты дискуссии и работа над многотомными сборниками документов сделали возможной комплексную обобщающую характеристику экономической политики Временного правительства, в частности, в трудах П.В.Волобуева. В этих работах широко использовались архивные документы, дифференцированно рассматривались экономические программы буржуазии и Временного правительства, характеризовались отдельные аспекты экономической политики правительства и влияние на нее взаимоотношений правительства с монополистическими кругами. Несмотря на неизменность классовых оценок при характеристике экономической политики правительства, некоторые положения исследований существенно корректировали эти оценки и выводы - например, анализ проектов социальных реформ и попытки их реализации Временным правительством.

В параграфе рассматривается изучение внешней политики Временного правительства и влияние на него дискуссии на страницах "Вопросов истории" о "полуколониальном" положении России и степени зависимости внешней политики правительства от иностранного капитала. В ходе кампании против журнала в 1957 г., фактически прекратившей дискуссию, авторам ряда работ и редакции инкриминировалось преувеличение самостоятельности внешней политики Временного правительства и слабое освещение ее зависимости от империалистов США, Англии и Франции. Широкая публикация документов, возможность привлечения в работе зарубежных публикаций документов, прессы и мемуаров стали значительным стимулом появления ряда работ, посвященных взаимоотношениям России в 1917 г. с зарубежными странами. Однако не меньшим стимулом выступали и политические факторы, обусловленные началом "холодной войны" и противостояния двух великих держав - СССР и США, необходимостью идеологического обоснования этого противостояния, что подтверждает значительное преобладание в эти годы работ, посвященных взаимоотношениям России и США, которые были призваны проиллюстрировать "экспансию американского

монополистического капитала в России в 1917 г.” и “антинациональную”, якобы проамериканскую политику Временного правительства.

Весьма примечательны - в плане расширения исследовательского поля, - попытки историков этих лет в ходе рассмотрения истории национальных движений и “классового лица” национальных организаций и учреждений 1917 г. охарактеризовать национальную политику Временного правительства. Однако эти попытки ограничились беглыми классовыми характеристиками и не вылились в самостоятельные исследования, т.к., с одной стороны, тема требовала осмысления огромного архивного материала, в том числе и местного, а с другой стороны, являлась достаточно опасной в идеологическом и политическом отношении.

В эти годы в исторической литературе был обозначен целый ряд вопросов, связанных с юридическими аспектами образования и деятельности Временного правительства. В параграфе характеризуется изучение проблемы легитимности правительства, его взаимоотношений с “источниками власти” - Временным комитетом Госдумы и Петросоветом. Эти проблемы рассматривались в основном в контексте истории двоевластия, взаимоотношения Комитета и правительства неоправданно идеализировались, их политика отождествлялась. Отмечается появление первых исследований истории и структуры госаппарата России при Временном правительстве и преимущественное внимание их авторов к “классовой” характеристике этого аппарата. С узкоклассовой характеристикой Временного правительства был связан и пристальный интерес советской историографии к его пенитенциарной политике. Местные органы власти оставались в эти годы вне сферы пристального интереса историков - вероятно, отчасти потому, что картина изменений в системе управления на местах была намного более пестрой и неоднозначной, чем в центре, и не всегда вписывалась в готовые идеологизированные схемы. Однако уже в конце 50-х появились некоторые новации в освещении истории местных органов власти - так, уже в эти годы наблюдаются разногласия среди историков по вопросу о статусе (правительственные или неправительственные, революционно-демократические) комитетов общественных организаций.

Таким образом, несмотря на значительное расширение источниковой базы и проблематики исследований, несмотря на определенные подвижки в характеристике многих моментов истории Временного правительства, историография периода “оттепели” оказалась в силу многих (прежде всего политических и идеологических) причин не готовой пересмотреть догмы сталинистского периода в оценке истории и политики Временного правительства.

Глава 4 - “Исследования середины 60-х - середины 80-х гг.”
состоит из пяти параграфов.

В первом параграфе рассматривается изучение социально-экономической политики Временного правительства. Крайне неблагоприятные условия борьбы с “новым направлением” во второй половине 60-х гг., завершившейся в начале 70-х его разгромом, значительно снизили темпы и масштабы этого изучения. Однако импульс, приданный исследованию истории революции и Временного правительства в период “оттепели”, был столь значителен, что по ряду аспектов оно продолжалось и в 70-х-80-х гг., и - по крайней мере в плане расширения исследовательского поля, привлечения источников, - наработки этих лет позволяют оспорить утверждения о застое в изучении темы.

Источниковая база исследований была пополнена за счет ряда публикаций, прежде всего третьей части “Экономического положения...”, включившей неопубликованные ранее в большинстве своем (87 %) документы, освещавшие аграрную политику Временного правительства и деятельность его местных органов. Не случайно большинство сюжетов по социально-экономической политике правительства были посвящены в этот период именно политике в деревне. Однако специальных работ по аграрной политике правительства выходило мало - в основном эти проблемы рассматривались эпизодически в трудах, посвященных аграрной революции, крестьянскому движению, классовой борьбе в деревне. Деятельность учреждений Временного правительства в эти годы часто характеризовалась противоречиво: так, при освещении деятельности Главного земельного комитета исследователи характеризовали проект его реформы как “буржуазно-помещичий”, но одновременно косвенно признавая, что в центре ее должен был стоять крепкий средний крестьянин - “кулак”. Внимание историков в эти годы в значительной степени смещается с центральных органов проведения экономической политики к местным. Одним из спорных вопросов стал статус и классовая характеристика местных земельных комитетов: споры обуславливались противоречиями между официальным статусом комитетов и их реальной позицией и составом. Аграрная политика правительства продолжает характеризоваться как антикрестьянская, контрреволюционная, но в ряде случаев робко отмечается стремление правительства упорядочить земельные отношения. Что касается немногих трудов о политике Временного правительства в сфере промышленности и в отношении рабочего класса, то их оценки были еще более жесткими и отрицательными, чем в предыдущий период: историки не усматривали никаких положительных сдвигов ни в одном из начинаний Временного правительства.

Второй параграф посвящен изучению политической истории Временного правительства. Вынужденное торможение в изучении комплекса социально-экономических вопросов побудило историков обратить внимание на другие аспекты истории Временного правительства. Если в 60-е гг. было сделано немало в изучении его социально-экономической политики, а в

исследовании вопросов внешней политики, политической структуры, истории местных органов власти подвиги были не столь значительны, то в конце 60-х-середине 80-х гг. именно эти аспекты вышли на первый план. С точки зрения результатов самым значительным было изучение политической истории и структуры правительства и его органов, факторов, определивших его политику и судьбу. В конце 60-х-начале 70-х гг. в советской историографии наблюдается усиление внимания к субъективному моменту в истории революции. Это было в определенной степени обусловлено влиянием западной исторической литературы и формированием в СССР т.н. “критического направления”, объективно способствовавшего проникновению многих конструктивных идей и положений зарубежной историографии в отечественную историческую науку. В связи с интересом к субъективным факторам в революции появляются исследования, посвященные политической истории Временного правительства, прежде всего трилогия В.И.Старцева. В параграфе подробно рассматриваются положения этих работ. Главным итогом изучения политической истории правительства следует признать значительную передвигу от узкоклассовых оценок историографии предыдущего периода. Впервые было заявлено об отсутствии жесткой обусловленности политики и курса Временного правительства - его социальным и классовым составом, показана сложность процесса формирования этой политики, влияние на нее множества факторов, в том числе человеческих взаимоотношений в кулуарах власти.

Третий параграф рассматривает изучение правовой деятельности правительства и структуры государственного аппарата. Вопросы образования и легитимности правительства нашли косвенное отражение в характеристике взаимоотношений Временного правительства с двумя “источниками власти” - Временным комитетом Государственной Думы и (в наибольшей степени) с Петроградским Советом. Советские историки констатировали правопреемственность Временного правительства от царского правительства - объясняя этим, разумеется, его охранительные тенденции во внешней и внутренней политике. Но для “революционного правосознания”, которым продолжали руководствоваться, как и в 20-е гг., авторы большинства работ, факт юридической правопреемственности вовсе не означал легитимность власти Временного правительства. В появившихся в эти годы работах, посвященных структуре центрального госаппарата России при Временном правительстве, были отмечены две важные для понимания причин слабости власти черты этой структуры: - почти полное разложение силового аппарата правительства к осени 1917 г., - разрушение во всех звеньях госаппарата организации деятельности и делопроизводства. Работы о пенитенциарной политике правительства - несмотря на их традиционные выводы, - подтверждали картину слома прежней карательной системы и реформирования юстиции. Местные органы власти правительства и органы самоуправления

стали в эти годы объектом пристального внимания - особенно историков-правоведов и государствоведов. Причем, новым явлением в историографии стали не только разгоревшиеся дискуссии - об их правовом статусе, партийно-классовом составе, взаимоотношениях между собой, но и первые специальные исследования о всей системе местных органов управления и самоуправления, в которых признавалось конструктивное значение реформ Временного правительства в этой сфере.

Усиление внимания к правовым аспектам истории и деятельности Временного правительства свидетельствовало о развитии государственно-ских тенденций в историографии. Однако оно в основном не сопровождалось отказом от узкоклассовых выводов. Все же работы этого периода значительно усложняли картину государствообразующего процесса 1917 г. - в частности, взаимоотношений центральных и местных правительственных органов и общественных организаций. Она уже не уместилась в рамки схемы партийно-классового противостояния, и позже привела историков к мысли о размытости и подвижности в 1917 г. самих границ между "государственностью" и "общественностью".

Четвертый параграф посвящен изучению внешней политики Временного правительства. Наиболее важными достижениями отечественной историографии - наряду с вышеупомянутыми подвижками в изучении его политической истории, - стали специальные монографии, в которых впервые на большом архивном материале, с привлечением зарубежных публикаций документов была проанализирована внешняя политика Временного правительства, и был отвергнут целый ряд положений предшествовавшего периода. Несмотря на ритуальное подчеркивание авторами социальной и классовой обусловленности внешней политики Временного правительства, в ряде работ этих лет (особенно значимыми в этом плане являются монографии А.В.Игнатьева), - были произведены существенные перемены в представлениях и оценках внешнеполитической деятельности Временного правительства. Было доказано положение о значительной самостоятельности и независимости действий правительства на международной арене, показан процесс переоценки им союзников и внешнеполитической ориентации внутри лагеря Антанты. Была продемонстрирована сложность политики Временного правительства в отношении США - в отличие от упрощенных оценок предыдущего этапа, продиктованных нуждами "холодной войны", была подчеркнута незначительность результатов русско-американского сближения, а американская политика Временного правительства была охарактеризована как зондаж. Впервые развернута картина сложных дипломатических взаимоотношений Временного правительства с правительствами стран многих регионов мира. Новым для советской историографии стал и показ успехов и достижений дипломатии Временного правительства. Исследования по внешней политике Временного правительства максимально - насколько это

было возможно в границах марксистско-ленинской парадигмы, - порвали практически со всеми тезисами-положениями предшествовавшего сталинистского этапа, касавшимися внешней политики - в частности, с тезисом о "полуколониальной зависимости".

В пятом параграфе проанализированы появившиеся в указанный период исследования, рассматривавшие источниковедческие и историографические аспекты истории Временного правительства, его органов и учреждений. В нем показано то важное значение для расширения спектра оценок при осмыслении истории Временного правительства (хотя к ним нельзя было присоединиться публично, они подлежали лишь критике), которое сыграли многочисленные работы представителей т.н. "критического направления" 60-х-80-х гг. В параграфе рассмотрены основные положения зарубежной историографии Временного правительства, которые стали объектом критики в работах этого направления, в частности, положения, связанные с проблемами формирования Временного правительства, оценкой его характера и деятельности, причин его гибели ("теория роковых ошибок" и другие). Проанализированы также причины, по которым эти положения были подвергнуты критике в советской историографии.

В параграфе рассмотрен вопрос о том, насколько в эти годы были востребованы отечественными исследователями архивные документы и фонды Временного правительства, его министерств и ведомств, хранящиеся в госархивах СССР. В нем была проанализирована документация одного из важнейших хранилищ документов по истории Февральской революции и Временного правительства - Российского государственного исторического архива (РГИА). В результате выборочного анализа листов использования более двух десятков единиц хранения и полутора десятков описей более десятка фондов РГИА, содержащих документы по истории Временного правительства, удалось составить довольно фрагментарную, но все же поддающуюся объективной оценке картину, позволяющую составить представление об использовании историками документов по теме. Абсолютное большинство единиц хранения с документами по истории Временного правительства были востребованы и использовались исследователями, причем, по некоторым единицам хранения можно проследить их использование отчасти с начала 50-х и даже уже с 40-х гг. Наиболее востребованными и активно используемыми были документы фондов самого Временного правительства и Временного комитета Госдумы, меньше - органов и ведомств правительства. Показательно, что наибольшее количество обращений историков к документам Временного правительства наблюдалось на протяжении 50-х-60-х, отчасти - 70-х гг. В 80-х и 90-х гг. наблюдается снижение числа обращения исследователей к этим документам. Это снижение интереса объясняется не только тем обстоятельством, что многие документы были опубликованы или введены в научный оборот в работах 60-х-начала 80-х гг., но

также и общим снижением интереса историков к теме Временного правительства во второй половине 80-х-90-х гг., о причинах которого говорится в 5-й главе. Кроме того, в параграфе показано, что анализ документов РГИА свидетельствует о слабом интересе историков к архивной судьбе фондов и материалов Временного правительства, что ярко характеризует слабую разработанность проблем источниковедения и историографии Временного правительства не только в 60-е-80-е гг., но и до настоящего времени.

Глава 5 - “Постсоветская историография” - состоит из двух параграфов.

В первом параграфе рассматриваются особенности нового этапа исследований темы. Освещается его общая внутренняя периодизация и характеристика его содержания в работах историков. Они выделяют перелом начала 90-х гг., когда, с одной стороны, во многом благодаря очевидности необратимости перемен, а с другой стороны, в результате накопления “критической массы” извлеченных из архивов документов - начинается выработка новых взглядов и концепций, а не только корректировка старых. В параграфе рассматриваются основные публикации документов по теме. Несмотря на то, что специально посвященных истории Временного правительства сборников документов в эти годы не вышло, большое количество таких документов было опубликовано в документальных сборниках по истории революции 1917 г., партии меньшевиков, Петросовета, внешней политики, в журнальных подборках. В качестве особенностей практики публикации источников этого периода, выделяются: их весьма различный профессиональный уровень; широкое привлечение документов из зарубежных, а также ранее закрытых отечественных архивов; большой удельный вес в изданиях этих лет мемуаров - подлинный “мемуарный бум”, но и неравноценность публикаций мемуаров; значительное увеличение опытов источниковедческого освоения и анализа публикуемых документов и мемуаров. Несмотря на то, что за исключением наших работ, в эти годы не появилось опытов историографического обобщения изучения Временного правительства, весьма плодотворны стали дискуссии, доклады, обмена мнениями отечественных и зарубежных исследователей на целом ряде международных конференций, а также изданные по их итогам материалы. В параграфе рассматриваются наиболее интересные предложенные подходы к изучению истории Временного правительства, и в то же время отмечаются причины сворачивания в отечественной и зарубежной историографии в последние десятилетия изучения истории Временного правительства. В качестве одной из существенных особенностей нового этапа историографии выделяется то обстоятельство, что постепенный слом марксистско-ленинской парадигмы (вернее - ее монополии) в историографии сопровождался шедшим параллельно процессом рецидива “революционаризма” в идеологии и историографии (особенно в середине 80-х-первой половине 90-х гг.), ставшим свое-

образной реакцией общественного сознания на процесс распада прежней политической системы, идеологии, советской государственности. Историческая публицистика, выполняя социальный заказ, занималась поиском исторических аналогий современных событий в России, удовлетворяла интерес широкой общественности к ранее запретным страницам истории революции 1917 г. и личностям репрессированных вождей революции. Вследствие этого история Временного правительства, как опыт государственной власти, оказалась обделена вниманием историков. Но уже в 90-е гг., когда попытки создания государственности с ориентацией на западные либеральные модели стали сопровождаться постепенной сменой революционаристских тенденций в общественном сознании и идеологии - государственноческими, тема Временного правительства вновь оказалась востребованной. Однако теперь она рассматривалась в основном не специально, а в более широком историческом контексте, в контексте таких "структур большой длительности", как история общественно-политических и государствообразующих процессов рубежа XIX-XX вв., российского либерализма и парламентаризма. В связи с этим дебатировались такие проблемы, как легитимность правительства, интерпретация "двоевластия" и "многовластия", коалиции и их роли в судьбах революции и страны, "многопоточность" революции 1917 г., структура государственности периода революций и взаимоотношение "государственности" и "общественности". В параграфе освещаются особенности рассмотрения истории Временного правительства в этом ракурсе. Такие подходы хотя и отодвигали Временное правительство и его конкретную историю на второй план изучения, однако представляются весьма важными для дальнейших конкретных исследований, т.к. дают возможность более глубоких заключений о его природе и судьбе.

Второй параграф посвящен рассмотрению современной проблематики историографии Временного правительства - общей характеристики, сущности и различных аспектов политики, причин гибели, личного состава правительства. Одной из особенностей историографии этого периода стало сосуществование самых разных оценок событий и явлений 1917 г. Это многообразие обуславливалось политическими взглядами и позициями историков, что ярко проявилось в характеристике сущности Временного правительства, его политики, причин ее неудач и гибели правительства. В параграфе рассматривается и активно дебатировавшийся в историографии конца 80-х-90-х гг. вопрос о роли политического масонства в формировании состава и политики Временного правительства. Источниковая база исследований политического масонства 1917 г. (в основном источники личного происхождения) не дает достаточных оснований для выводов о сколько-нибудь значительном влиянии масонства на политику власти 1917 г.

Несмотря на то, что в конце 80-х гг. вновь разгорелся спор о судьбах и идеях "нового направления", он не реанимировал изучение социально-

экономической политики Временного правительства. Следует признать, что несмотря на пестроту и противоречивость оценок этой политики, содержащихся в немногочисленных трудах этого периода, выводы этих работ практически не привнесли нового в изучение вопроса. Интерес исследователей этих лет ко всему комплексу вопросов политической истории и государствообразующих процессов 1917 г. обусловили их внимание и к отдельным элементам системы государственных и общественных органов и учреждений - института правительственных комиссаров, отдельных министерств и ведомств, земствам и др. Однако изучение их протекало далеко неравномерно. Наблюдается снижение интереса исследователей к низовым крестьянским комитетам, что было во многом обусловлено снижением интереса к проблематике "социальной истории", ведь эти комитеты изучались ранее в основном в неразрывной связи с историей крестьянского движения 1917 г. Вопросы истории внешней политики Временного правительства продолжали пользоваться вниманием исследователей, но значительно меньше, чем в предыдущий период. Кроме того, были оспорены некоторые выводы предыдущего периода - о существенных переменах во внешней политике Временного правительства по сравнению с царской, о смене французской ориентации внешней политики на английскую и др. Весьма критически характеризуется в современной историографии и военная политика правительства - как разрушительная по отношению к российским военным структурам и высшему командному составу. В целом приходится констатировать, что внешняя и военная политика Временного правительства не подверглась существенному переосмыслению и анализу: историография повторяла в основном оценки предыдущего периода и даже наблюдался отказ от некоторых интересных выводов предыдущих лет. Показательно с точки зрения воздействия современных политических пристрастий ученых на оценку ими исторических событий 1917 г. освещение такого важного эпизода истории власти 1917 г., как т.н. "выступление Корнилова". С конца 80-х до начала 90-х гг. события "корниловщины" в основном изображались как результат личного соперничества Керенского и Корнилова, либо - чаще - как контрреволюционный заговор реакционной военной клики, генералитета, буржуазного лагеря, дворянства, руководства кадетов - при осведомленности и поддержке Временного правительства, - с целью установления военной диктатуры. События 1991 и 1993 гг., во-первых, существенно усиливают интерес историков и публицистов к "корниловщине", во-вторых, резко меняют оценки, значительно увеличивая число сторонников точки зрения об отсутствии заговора как такового, о желании Корнилова "подпереть властную систему со стороны" и наличии общего плана действий правительства и командования и предательстве Керенского. Это являет собой одно из подтверждений нашего тезиса об очередной смене с середины 90-х гг. революционаристских тенденций в официальной идеологии и общественном созна-

нии - государственных. Новым явлением в историографии Временного правительства, во многом связанным с процессами “деконструкции” СССР, возникновением на окраинах России новых независимых государств, “парадом суверенитетов” субъектов самой Российской Федерации, стало появление ряда работ, посвященных его национальной политике. Характеристика национальной политики Временного правительства в немногих обобщающих трудах в общем весьма противоречива. С одной стороны, историки признают наличие у Временного правительства стремлений (и реальных достижений в этой области) удовлетворить требования представителей национальных и региональных движений (которые не всегда исходили из реальных потребностей развития тех или иных наций и регионов). Они отмечают объективную опасность решения национального вопроса в условиях мировой войны и сложность положения Временного правительства. С другой стороны, историки упреждают Временное правительство за пассивность этой политики, отсутствие нового по сравнению с политикой царского правительства, негибкость национальной политики, доходившей до готовности применения силы. Весьма характерная черта современной историографии Временного правительства - постоянно растущий с конца 80-х гг. интерес к личностям деятелей Временного правительства, его учреждений и органов. В этом изучении выявились свои фавориты, каковыми, несомненно являются А.Ф. Керенский и П.Н. Милуков. Однако научные биографии большинства персоналий все же еще не написаны, часто персоналии даже некоторых министров и товарищей министров не включаются в обобщающие энциклопедические издания. Положительным фактором следует признать произведенный за последние годы анализ состава и кадровых перестановок внутри правительства, судеб большинства членов правительства.

Заключение.

Изучение истории Российского Временного правительства в отечественной историографии являлось неотъемлемой частью исследований целого комплекса проблем истории революции 1917 г. Сложившаяся за прошедшие десятилетия источниковая база, накопленный отечественной и зарубежной историографией опыт, методы и приемы изучения истории российской революции - все эти факторы, несомненно (в различной мере) оказывали влияние на отечественные исследования истории Временного правительства. Однако эти исследования в значительной степени определялись политической конъюнктурой, потребностями борьбы внутри партийно-государственной элиты и догмами большевистской методологии. Важный фактор, обуславливавший видоизменения концепции истории революции и власти 1917 г. - попеременное воздействие двух тенденций развития государства и общества. Речь идет о революционаристской и государственно-социалистической тенденциях в официальной идеологии (отчасти - в общественном соз-

нании) и политической практике. Революционаристская ипостась этой дихотомии обуславливала слабое внимание к истории власти 1917 г., истории Временного правительства, учреждений и организаций вообще, схематичные и упрощенные узкоклассовые оценки их деятельности, преимущественное внимание к истории “движения масс” и особенно - к распространению большевистских воззрений и их влиянию на указанное движение. Этот подход был востребован начиная с первых лет советской власти вплоть до конца 20-х гг. Тогда это было связано с периодом революционных иллюзий - мечтами о мировой социалистической революции, эйфорией от свержения прежнего государственного строя, победы в Октябре и в гражданской войне, а также с периодом борьбы с социалистической оппозицией и с оппозицией внутри правящей партии. Вновь этот подход был реанимирован в период “оттепели” середины 50-х-середины 60-х гг. и в начальный период “перестройки” - середине 80-х-начале 90-х гг. Оба раза это было связано с потрясениями различной силы в структуре государственности и в официальной идеологии (т.н. “социал-демократический реванш”). Но, как и сами потрясения этих лет, этот революционаризм был нерадикален, кратковременен и не столь тотален и воинственен, как в 20-е гг. Государственнический подход к истории революции и власти 1917 г., отличавшийся подчеркнутым интересом к любому опыту государственной власти и правления, государственнообразующим процессам и их компонентам, - культивируется постепенно с конца 20-х гг. до середины 50-х. После краткого перерыва он вновь возрождается с середины 60-х до середины 80-х гг. Особенность советского варианта государственничества в историографии революции и власти 1917 г. - консервация классовых оценок в характеристике указанных процессов и явлений, - историографический и идеологический прием, благодаря которому обеспечивалась незыблемость унифицированной концепции революции. Государственнические тенденции в историографии революции и власти 1917 г., проявившиеся и крепнувшие с середины 90-х гг., были обусловлены стабилизацией новой российской государственности и ее основных структур, “реваншем либерально-демократических идей”, нанесших сокрушительный удар по монополии большевистской унифицированной концепции революции и власти.

Немалую роль в укреплении этих тенденций и подходов сыграли поиск и апробация в отечественной и зарубежной историографии нового методологического инструментария для осмысления истории России - в том числе истории российской революции. Так называемый кризис “социальной истории” (якобы проигравшей битву “традиционной” - политической истории) и во многом взаимообусловленный этим “кризисом” и “постмодернистским вызовом” расцвет “культурной” и “интеллектуальной” истории, а также идея синтеза всех направлений изучения революции - в качестве средства преодоления кризиса, - создают новые возможности для

изучения истории Временного правительства 1917 г., интерпретаций его сущности, роли, опыта и исторического значения. В ближайшее время, по всей вероятности, наиболее перспективные и плодотворные исследования будут сочетать рассмотрение его конкретной истории, с одной стороны, в контексте изучения истории “долговременных” процессов и феноменов (таких, как история российской государственности и государственничества, парламентаризма, либерализма и пр.), с другой стороны, в контексте изучения всей совокупности составляющих государствообразующего процесса 1917 г. - как институционных, так и внеинституционных его аспектов.

Апробация работы.

Ряд положений диссертации были положены в основу научных докладов и сообщений на итоговых конференциях Казанского госуниверситета, республиканских и всероссийских конференциях 1992-1999 гг., международной научной конференции (Москва, ноябрь 1995 г.), в Летней школе при Казанском госуниверситете “Историческая память как социокультурный феномен” (август 2000 г.).

Диссертация и ее отдельные разделы обсуждались на кафедре историографии, источниковедения и методов исторического исследования Казанского государственного университета. Ряд ее положений обсуждались с некоторыми ведущими специалистами России и Германии, занимающимися проблемами истории и историографии российской революции. На основе исследований, проведенных в рамках подготовки диссертации, разработаны и читаются для студентов исторического факультета Казанского университета специальные курсы по историографии и источниковедению революции, гражданской войны и российской эмиграции.

Основные положения диссертации отражены в публикациях:

I. Монографии:

1. Российское Временное правительство 1917 года. Отечественная историография 20-х - середины 60-х годов. Казань: Хэтер, 1999. 10,5 п. л.
2. Временное правительство России. Современная отечественная историография. Казань: Татарское республиканское издательство “Хэтер”, 2000. 13 п.л.

II. Статьи, очерки, рецензии, доклады на конференциях:

3. Историческая наука в меняющемся мире // Татарстан. Казань, 1993. № 8. С. 45-47.
4. “Третий путь” М.Л.Коган-Бернштейна // Историческая наука в изменяющемся мире. Казань, 1994. Вып. 2. С. 62-67.
5. Две казни: Судьба М.Л.Коган-Бернштейна // Отечественная история. М., 1994. № 3. С. 170-179.
6. Фуад Туктаров // Казан утлары. Казань. 1996. № 5. С. 165-170 (на татарском языке).

7. Фуад Туктаров (“Усал”) // Султанбеков Б.Ф., Малышева С.Ю. Трагические судьбы. Казань: Татарское книжное издательство, 1996. С. 34-48.
8. Социалисты-революционеры: к истории изучения // II Республиканская научная конференция молодых ученых и специалистов. Тезисы докладов. Кн. 6. Казань, 1996. С. 13.
9. Пожар на Пороховом, или “Казанская катастрофа” 1917 г. // Гасырлар авазы=Эхо веков. Казань, 1998. № 3-4. С. 288-293.
10. Казанец - министр Временного правительства // Гасырлар авазы=Эхо веков. Казань, 1999. № 1-2. С. 276-279.
11. Временное правительство 1917 г. в освещении новейшей зарубежной историографии // Clio moderna: Зарубежная история и историография. Казань: Татарское газетно-журнальное издательство, 1999. С. 135-144.
12. Рец. на кн.: Усманова Д. Мусульманская фракция и проблемы “свободы совести” в Государственной Думе России (1906-1917). Казань: Мастер-лайн, 1999. 164 с. // Гасырлар авазы=Эхо веков. Казань, 1999. № 3-4. С. 308-309.
13. Временное правительство 1917 года глазами советских людей 20-х гг. // Гасырлар авазы=Эхо веков. Казань, 2000. № 3-4. С.
14. Формирование мифа о революции и власти 1917 года // Сотворение истории: память, текст, человек. Казань, 2000. С.

С. Ильясов

3251 3.0503
- 7.0603

a-ko